

Д.Б. Терешкина

**КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ
РУССКО-ШВЕДСКИХ ПЕРЕГОВОРОВ В 1617 г.
(К 400-летию подписания Столбовского мира)**

В статье представлены коммуникативные практики русско-шведских переговоров, завершившихся подписанием 27 февраля 1617 г. Столбовского мирного договора; охарактеризованы условия, цели и намерения сторон, барьеры коммуникации; обозначена роль посредника (Англии) в лице Джона Мерики.

Ключевые слова: Столбовский мирный договор 1617 г., начало русской дипломатии, международные переговоры, эффективные внешние коммуникации.

The article describes the communication practices in Russian-Swedish negotiations leading to the signing of the Stolbovo peace agreement on February 27, 1617; the author characterizes the conditions, goals and intentions of the parties, barriers of communication and the role of the mediator (England), represented by John Meric.

Key words: Stolbovo peace agreement of 1617, the beginning of Russian diplomacy, international negotiations, effective external communications.

27 февраля (9 марта по н.ст.) 1617 г. в селе Столбово близ Тихвина был подписан мирный договор между Русью и Швецией, положивший конец русско-шведскому противостоянию 1614–1617 гг. Проводимые при посредничестве Англии, переговоры русских со шведами длились на их последней стадии почти два месяца. Согласно подписанному мирному договору, Русскому царству отходили захваченные в Смутное время Новгород и новгородские земли, не присягнувшие шведскому королю (в том числе Ладога, Порхов, Старая Русса, Порхов, Гдов, Сумерская волость), а также церковное и казенное имущество. Шведскому королевству отходили Ивангород, Ям, Копорье, Корела, Орешек, вся Нева. Москва также обязана была выплатить 20 тыс. серебряных рублей, отказаться от претензий на Ливонию и Карельскую землю. Россия оказалась полностью отрезанной от Балтийского

Терешкина Дарья Борисовна — доктор филологических наук, доцент Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Новгородский филиал), Великий Новгород, Россия; *e-mail*: terdb@mail.ru

моря. Границы, установленные Столбовским миром, сохранялись вплоть до начала Северной войны 1700–1721 гг.

Исследование проблем русско-шведских отношений, в том числе связанных с подписанием Столбовского мира, представлено в многочисленных трудах о Смутном времени, в том числе о сложных многолетних связях России и Швеции в XVI–XVIII вв.¹ Подробное изложение хода переговоров 1616–1617 гг. и условий подписания в Столбово мирного соглашения между Российским государством и Швецией, с публикацией русских и шведских документов, содержится в трудах Н.П. Лыжина, К.И. Якубова, Г.А. Замятина, И.П. Шаскольского, Ю. Видекинда, Я.Н. Рабиновича². В трудах А.А. Селина, А.И. Чепеля представлены исследования процессов, связанных с установлением после Столбовского соглашения новых границ между шведскими и российскими землями³. Ком-

¹ История внешней политики России. Конец XV – XVII век (От свержения ордынского ига до Северной войны) / Под ред. А.Н. Сахарова, Г.А. Санина. М.: Международные отношения, 1998; Арсеньевские шведские бумаги 1611–1615 гг. // Сборник Новгородского общества любителей древности / Пер. А.В. Полторацкого. Новгород, 1911–1912. Вып. V, VI; *Кобзарева Е.И.* Шведская оккупация Новгорода в период Смуты XVII в. М.: Институт российской истории РАН, 2005; *Форстен Г. В.* Политика Швеции в Смутное время // Журнал министерства народного просвещения. 1889. № 2. С. 325–349; № 10. С. 185–213; № 11. С. 17–33; *Варенцов В.А., Коваленко Г.М.* Хроника «Бунташного века»: Очерки истории Новгорода XVII века. Л.: Лениздат, 1991; *Платонов С.Ф.* Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI–XVII веков: Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время. СПб.: Наука, 2013; *Лисейцев Д.В.* Польский приказ в эпоху Смуты. М.: Институт российской истории РАН, 2003.

² *Лыжин Н.П.* Столбовский договор и переговоры, ему предшествовавшие. СПб.: Типогр. Императорской Акад. Наук, 1857. С. 71; *Якубов К.И.* Россия и Швеция в первой половине XVII века. М., 1897. С. 26–27; *Замятин Г.А.* Условия заключения Столбовского мирного договора между Россией и Швецией 9 марта 1617 года // Новгородский исторический сборник. Великий Новгород, 2016. Вып. 16 (26). С. 341–376; *Шаскольский И.П.* Была ли Россия после Ливонской войны совсем отрезана от Балтийского моря? // Исторические записки / АН СССР. М., 1950. Вып. 35. С. 294–303; *Шаскольский И.П.* Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения России со Шведским государством. М.; Л.: Наука, 1964; *Видекинд Ю.* История десятилетней шведско-московитской войны / Пер. С.А. Аннинского, А.М. Александрова; под ред. В.Л. Янина, А.Л. Хорошкевич. М., 2000; *Рабинович Я.Н.* Столбовский мир: победа или поражение? // Вестн. ЧелГУ. 2008. № 18. С. 27–39.

³ *Селин А.А.* Порубежное духовенство в 1-й пол. XVII в. // Староладожский сборник. 2000. Вып. 3. С. 29–36; *Селин А.А.* К вопросу об общении шведов и новгородцев в 1611–1617 гг. // XIV конференция по изучению Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. М.; Архангельск, 2001. С. 115–118; *Селин А.А.* Новгородцы и шведы в начале XVII века. Разыскания в Государственном архиве (Стокгольм) // Северный модерн. Диалог культур. СПб., 2005. С. 124–133; *Чепель А.И.* «Был без проезжей и хотел своих детей навесить»: проблема разделения семей в шведско-русском приграничье после Столбовского мира // Диалог со

муникативным проблемам Столбовского переговорного процесса не уделялось специального внимания.

Историческая оценка Столбовского мира неоднозначна. Огромные уступки Руси — территориальные и материальные, изоляция от торговых балтийских ворот, кабальные условия относительно городов-заложенников (Гдов был окончательно освобожден лишь в 1621 г.) — все это позволило считать Столбовский договор крайне невыгодным для Руси. С другой стороны, Русь получила возможность закончить изнуряющее противостояние со Швецией и сосредоточить свои силы на борьбе с Польшей, на то время ставшей главной угрозой⁴. Примечательно, что заключение Столбовского мира считали успешным равно и шведские, и русские власти: каждая из сторон щедро наградила своих представителей в переговорах.

Наше внимание к Столбовскому миру обусловлено чрезвычайно интересной коммуникативной ситуацией, создавшейся вокруг акта его подписания. Мы не станем говорить о его политической и даже исторической оценке. В нашу задачу входило оценить подписание Столбовского мира с точки зрения теории и практики международной коммуникации и ответить на главный вопрос: можно ли считать успешными переговоры, приведшие к подписанию мирного соглашения?

Необходимо сделать предварительные замечания.

Оценивая с современных позиций переговоры начала XVII в., нельзя не сделать определенных допущений в терминологии: она, несомненно, будет современной нам. Кроме того, в современной теории международных отношений эти отношения рассматриваются с позиции имеющих обобщений, а также смежных с дипломатией дисциплин теории дискурса, психологии общения, национальных особенностей ведения переговоров. Поэтому различаться будут не только собственно терминология, но и интерпретация коммуникативных актов.

О материале. Наши знания о Столбовском мире базируются на известном круге источников, введенных в научный оборот, опубликованных и интерпретированных. Мы не ставили себе за-

временем: Альманах интеллектуальной истории. М., 2011. Вып. 35. С. 231–244; *Чепель А.И.* Становление шведско-русского приграничья после Столбовского мира: конфессиональный фактор // Скандинавские чтения 2012 года: этнографический и культурно-исторический аспекты / Отв. ред. Т.А. Шрадер. СПб., 2012. С. 106–107; *Чепель А.И.* «Пастухов те воры били до умертвия...»: криминальная обстановка в шведско-русском приграничье после Столбовского мира // *Метаморфозы истории: Научный альманах.* Псков, 2014. Вып. 5. С. 370–390.

⁴ *Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М.: Российская государственная библиотека, 2005.

дачей ни их проверки, ни корректировки их толкований. Основываясь на имеющихся исторических трудах по Столбовскому процессу, мы принимаем как данность те коммуникативные акты, которые, включая лакуны и дискретность в освещении событий, могут обозначить суть процесса.

Коммуникативные проблемы дипломатии изучены недостаточно. «Парадоксальным <...> кажется тот факт, что практически не изученным остается дискурс дипломатии, хотя данный тип дискурса не может не представлять интерес для лингвистики»⁵. Изучение источников по внешним сношениям Руси⁶ во многом является исторической базой построения современной теории дипломатического дискурса, специфика которого «вытекает из понимания дипломатии как науки ведения переговоров»⁷. В этой связи Столбовский переговорный процесс является в высшей степени показательным и важным предметом исследования.

До Столбовских переговоров практика международных отношений Руси насчитывала немногим более 100 лет. «Центр тяжести русской дипломатии в XV–XVI вв. постепенно был перенесен из междукняжеских отношений в сферу переговоров с иностранными государствами»⁸. В этом смысле Столбовский процесс представляет исключительный интерес, поскольку является уникальным примером того, как государство, раздираемое войнами, последствиями Смутного времени, голодом, разрухой, к тому же только выходящее, с большим трудом, на международную политическую арену, смогло не только вести переговоры «на равных», но и достичь выгодных на тот момент условий для Руси.

Следует сразу обозначить оценку Столбовского мира с точки зрения коммуникативной составляющей дипломатической практики. Она, несомненно, положительная. Сам факт переговоров означает соглашение, а подписание мирного договора является в высшей степени позитивным его результатом. Какими бы ни были исторические оценки Столбовского мира, дипломатическая практика оценивает достижение соглашений на конкретном этапе как победу дипломатических сил. Во многом выигрышным можно

⁵ Терентий М.Л. Дипломатический дискурс как особая форма политической коммуникации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 1. С. 47.

⁶ См.: Лихачев Д.С. Повести русских послов как памятники литературы // Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Статейные списки / Отв. ред. Д.С. Лихачев. М.; Л.: АН СССР, 1954. С. 319–346; а также указанные исследования по Столбовскому процессу, публикующие документальные свидетельства участников и современников русско-шведских отношений в I четверти XVII в.

⁷ Терентий М.Л. Цит. соч. С. 54.

⁸ Лихачев Д.С. Цит. соч. С. 324.

считать также положение русской делегации и непосредственно при осуществлении переговоров.

Столбовский процесс был многоступенчатым.

Таблица 1

Этапы переговоров Столбовского процесса

Осень 1615 г. — Предварительные переговоры в Ладоге.
22 февраля 1616 г. — Шведами предложено 3 варианта соглашения. Возникновение необходимости консультаций с правительством своих стран → перемирие на 3 месяца.

Непрямые переговоры
Март 1616 г. — Письмо русских шведам о несогласии платить указанную ими сумму.
Условие шведов: не начинать переговоров, не получив решение переговоров на основании одного из трех вариантов.
Уход с арены голландцев как посредников.
Лето 1616 г. — выбор места переговоров.
Лето и осень 1616 г. — обмен грамотами, осуществление «челночной дипломатии», заочные переговоры через посредников. Жесткий подход шведов: настаивают на принятии одного из 3-х вариантов соглашения.
Ультиматум шведов. Уступки Москвы (после совещаний с Земским собором). 3 варианта «наказа» Москвы Дж. Мерику.
5 октября — 19 ноября 1616 г. — Переговоры Дж. Мерики со шведами в Ладоге. Позиционный торг с сокрытием Дж. Мериком запасных вариантов Москвы и постепенными уступками в результате торга. Выработка базовых соглашений: уступка русскими 4 крепостей и выплата 20 тыс. руб.
31 декабря 1616 г. — 27 февраля 1617 г. — Переговоры в Столбово. Подписание мирного договора.
1618 г. — Подписание договора обоими правительствами.
Февраль 1617 — осень 1621 г. — стадия реализации договоренностей.

Можно сказать, что успех процесса был обусловлен, кроме всего прочего, именно тем, что основная доля контактов противоборствующих сторон пришлась на контакты не прямые. Лишь часть из них (даже на заключительном этапе) носила прямой характер.

Непрямой тип переговоров применяется в условиях военного противостояния, что и наблюдалось в 1615–1617 гг. Как убедительно и многократно показано Я.Н. Рабиновичем и другими исследователями, на ход переговоров оказывали непосредственное влияние постоянно возобновляющиеся военные действия с обеих сторон, а также общественные волнения, перераставшие в открытые столкновения. В таких условиях неизбежным оказывается привлечение посредников. Им, как известно, стала Англия в лице Джона Мерики, которому справедливо отводится исключительная роль в подготовке Столбовского мира.

Англия была одним из претендентов на посредничество, наряду с Голландией, также заинтересованной в торговых отношениях с Русью. Голландия направила послов в Новгород в августе 1615 г., тогда как Англия делегировала Д. Мерика в Москву еще летом 1614-го. Это, а также личные связи Джона Мерика с Москвой, определили то обстоятельство, что с весны 1616 г. единственным посредником между Швецией и Русью остался английский посол. Исполнить возложенную на него миссию стало, судя по всему, делом чести Джона Мерика. Он, и правда, оказался таким, словно был послан Руси самой судьбой. Есть основания полагать, что, не будь английского посредника в лице Джона Мерика, переговоры шли бы совсем другим путем, а текст договора (если бы он был подписан) был иным по содержанию. При сохранении классической схемы посредничества деятельность Д. Мерика стала уникальным примером медиации в истории мировой дипломатии.

Во-первых, в отличие от условно «чистого» посредника, Д. Мерик и Англия в его лице преследовала отчасти и свои интересы. Они касались возможности торговых отношений с Русью, в которых Англия была особо заинтересована. При видимой нейтральности посредника его действия были генерально направляемы скрытой личной целью, а потому тяготели к сохранению преференций именно для Руси, а не для Швеции. Во-вторых, на характер переговоров наложили отпечаток специфика английской дипломатии (Англия — это страна купцов, а «английская дипломатия — это торговля», — пишет исследователь теории и практики дипломатии В.И. Попов⁹), а также род деятельности самого Д. Мерика. Будучи представителем известной династии деловых людей, связанных с Россией, Джон Мерик преследовал, в том числе, свои индивидуальные цели и как торгового человека, и как посланника (О.В. Скобелкин указывает на соглашения Мерика с русским царем относительно судеб некоторых своих соотечественников¹⁰). Д. Мерик, следуя законам торговых отношений, допускал широкий спектр взаимодействия с обеими сторонами: замалчивание фактов и утаивание части информации, хитрость, уловки, систему убеждений, скрытых угроз, использование выгодных переговорных

⁹ Попов В.И. Современная дипломатия: теория и практика. М.: Международные отношения; Юрайт, 2006. С. 447.

¹⁰ Скобелкин О.В. Служилые иноземцы и деятельность Джона Меррика в России (1614–1617) // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2007. Т. 49. № 13. С. 43–56. См. также: Соколов А.Б. Навстречу друг другу: Россия и Англия в XVI–XVIII вв. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1992.

позиций, системы пакетного обсуждения вопросов, а также ресурсы бесконечной «челночной дипломатии», когда английский посол не ленился и не считал зазорным курсировать между лагерями оппозиционных сторон для улаживания зачастую самых мелких вопросов и положений. Д. Мерик сумел превратить процесс согласования положений Столбовского мира в жесткий позиционный торг (учитывая при этом, что торг шел чужими активами), и результат этого торга был впечатляющим: несмотря на территориальные необходимые уступки, сумма контрибуции была снижена в 10 раз, с неподъемных для Руси 200 до 20 тысяч рублей. Первый вариант договора был представлен шведами к 22 февраля 1616 г. Настоящий позиционный торг проходил без участия русских, между Мериком и шведами, в Ладогe, примерно в течение полутора месяцев — с 5 октября по 19 ноября. Можно себе представить, какая огромная работа была проведена за год до февраля 2017 г., когда договор был подписан с измененными в пользу Руси условиями. Следует отметить, что у Джона Мерика было той зимой сильное обострение ревматизма¹¹, и работал он, преодолевая боль. Неслучайно он был впоследствии щедро награжден русским правительством. Джон Мерик в полной мере реализовал коммуникативную, информационную, аналитическую, контролирующую функции посредника, а также функцию генерирования новых идей, причем продуцированные в условиях многозадачности, т.е. в наиболее сложной коммуникативной ситуации.

Сложность в осуществлении переговоров была обусловлена меняющимся и усложняющимся предметом соглашений. Вначале речь шла о сути мирного договора. Затем к нему добавился вопрос о городах, остающихся в залоге до межевания по новому соглашению. Затем был присовокуплен вопрос о способах утверждения договоров монархами. На самих переговорах камнем преткновения, помимо всего прочего, стала проблема титулования монархов в договорах. Эта система кумулятивного нарастания обсуждаемых аспектов потребовала от переговорщиков и посредника немалого мастерства, стойкости и изобретательности.

Русская традиция переговоров изначально имела устный характер. В XI–XIII вв. политические отношения осуществлялись, прежде всего, внутри самого государства, между русскими князьями. Как пишет Д.С. Лихачев, «Русский обычай “ссылаться речью”, а не грамотами, был очень прочным. Хотя происхождение его восходит, несомненно, к дописьменному периоду исто-

¹¹ *Лыжин Н.П.* Цит. соч. С. 71.

рии Руси, тем не менее, и позднее, даже спустя несколько веков после введения письменности, русские послы по-прежнему устно говорят порученные им “речи”, лишь записывая их для памяти, но не передавая самих этих грамот»¹². Ориентация на устное общение в переговорах обусловило, в том числе, специфику Столбовского процесса. Он потому был таким долгим и изматывающим, что шведы настаивали на письменной фиксации предварительных договоренностей, а русские основной упор делали на сам процесс устного обмена мнениями и принятия решений на месте¹³. Несомненно, суть не только в предварительных разногласиях. Сам процесс устных прений, в отличие от обсуждения письменных вариантов соглашений, предполагает гораздо больший градус эмоциональности, импровизаций, вариативного толкования речевых единиц и даже невербального поведения. Устная коммуникация сложнее вследствие своей спонтанности, непосредственной, а значит, зачастую опасной реакции собеседников в процессе диалога.

То, что в современной теории переговоров обозначено как их этапы, было полностью выдержано в Столбовском процессе.

Подготовительная стадия включала 2 составляющие: организационную и теоретическую. *Организационная* стадия включала: определение и согласование повестки переговоров, определение времени и места проведения переговоров, выбор здания для осуществления прямых (очных) переговоров по существу, формирование состава делегаций, создание приемлемых условий для их размещения, обеспечение делегаций всем необходимым, составление плана рассадки переговорщиков, выработку регламента переговоров. *Теоретическая* стадия предполагала выработку переговорной концепции, анализ предлагаемых целей и позиций партнеров, определение стратегии и тактической линии переговорного процесса, подготовку документов, вариантов проектов договора.

Переговорная стадия была наиболее напряженной. При этом, однако, именно она стала решающей. Составляющими позициями переговорной стадии были: рассмотрение организационных вопро-

¹² Лихачев Д.С. Цит. соч. С. 322.

¹³ Так, русская делегация, помимо прений на очных встречах, многократно использовала возможность устных переговоров через посредника: «Послы просили Мерику пригласить себе сперва (до съезда) шведских послов “и о том бы с ними поговорить накрепко”» (Якубов К.И. Цит. соч. С. 5). Шведы же требовали письменных утверждений договоренностей («а написати б де вам в запись и укрепитись накрепко») (Там же. С. 14).

сов, определение целей партнеров, их задач и интересов, улаживание процедурных вопросов, уточнение текущих позиций партнеров, внесение предложений, проведение дискуссий, определение зон компромиссов, выработка рамок будущего соглашения, редактирование и принятие итоговых документов.

Непосредственно процесс прямых переговоров всегда сложен, имеет свою внутреннюю динамику, особенно в момент неблагоприятного исторического фона противостояния двух сторон. В этой стадии выделяются три этапа: начальный (диагностический и дискуссионный), этап аргументации и определения общих рамок будущего соглашения, заключительный (согласование позиций и выработка договоренностей).

Столбовские переговоры по своему типу относились к переговорам возобновляемым, т.е. начинались и сопровождались обсуждением выполнения ранее достигнутых договоренностей. Поскольку в этой части у шведов и русских были разногласия, это не могло не создать изначально напряженный психологический климат переговоров, который преодолевался с большим трудом. Мастерство Джона Мерика как гаранта переговоров состояло, в частности, в том, что он (сам того не ведая) применял несколько методов ведения переговоров: *вариационный* (предполагающий дифференцированный подход к возможным последствиям, подбор необходимых именно в данный момент аргументов, предвидение экстремальных ситуаций) и метод *компромиссный* (настаивание на поэтапных взаимных уступках партнеров, на основании которых достигается поэтапный компромисс)¹⁴.

К. Якубов, опубликовавший шведские статейные списки, отмечает несколько важных и спорных моментов в ходе переговоров. По ним мы можем судить, насколько они были напряженными. Становится понятным, что очный этап переговоров в Столбово был в большой своей части заочным: проводился посредством Джона Мерика, взявшего на себя роль не только третьей стороны, но и миротворца. Так, 1 января 1617 г. русские шлют к Мерике дьяка, чтобы тот сказал ему, как говорить со шведами о заложных городах. От Мерика к шведам направились послы, но шведы отказываются условиям русских, ссылаясь на то, что они знают нравы русских, что любят «делом дляти», и продолжили обсуждение с ними на очном «съезде». К Мерике русские апеллировали, когда торговались со шведами о количестве подвод для вывоза их иму-

¹⁴ Кузьмин Э.Л. Дипломатическое и деловое общение: правила игры. М.: Норма, 2005. С. 150–152. См. также: Трухачев В.И., Лякишева И.Н., Михайлова К.Ю. Международные деловые переговоры. М.; Ставрополь: ФиС; АГРУС, 2005.

щества: он-де, Мерик, знает, каково сейчас положение в городах, разоренных войной. Шведам пришлось уступить. Неимоверные усилия потребовались от Мерика 2–3 февраля, когда спор о титуловании государей в договоре обострился настолько, что шведы решили прекратить переговоры и уехать в Ладогу, тем самым возобновив военные действия. В ход пошли все мыслимые и немыслимые аргументы, в том числе уговоры, убеждения, предоставление оригиналов документов предшествующего периода. Роль Джона Мерика была настолько важной, что использовалась в тех случаях, когда приходилось, имея в виду одно, осуществлять прямо противоположное. К концу первой декады февраля накал страстей на съезде был таков, что обе делегации при споре о титулах встали из-за стола переговоров, угрожая друг другу продолжением кровопролития. Русские при этом, говоря «бой великому государю нашему не страшен <...> и у государя нашего рати не наемные, всегда готовы», в это же время тайно просили Джона Мерика, «чтоб свейских послов поудержал»¹⁵. Следует отметить, что именно этот момент стал кульминационным, самым острым, но и определяющим: после него переговоры перешли в завершающую стадию.

Заочный характер очного этапа носила сама форма прямого взаимодействия делегаций. Стороны выработали практику предварительного обмена письмами с обсуждением условий до непосредственных встреч («съездов»). Таким образом, переговоры велись параллельно в двух формах: письменной и устной, дополняющих друг друга. А работа велась, собственно, исключительно над выработкой окончательного документа, в котором обсуждался каждый пункт и каждая фраза раздела. Причем в прениях осуществлялись постоянные отсылки и к прежним устным договоренностям, и к письменным их фиксациям. Большинство письменных документов передавалось делегациями Джону Мерика с тем, чтобы он передавал партнерам. Многоактные передачи друг другу документов были вызваны непримиримыми противоречиями по наиболее спорным статьям. В периоды работы над договором внутри каждой стороны проходили, судя по всему, бесчисленные консультации и обсуждения. Так, 22 января русские передали Мерика предварительный свой вариант договора. Шведы держали у себя договор вплоть до 27 января, переписав и изменив практически все статьи. После съезда 27 января настала очередь русских думать в своей команде. Лишь 2 февраля они предоставили Мерика свою правку спорных статей. Как правило, все текущие письмен-

¹⁵ *Якубов К.И.* Цит. соч. С. 26–27.

ные изменения и разногласия обсуждались на очном съезде. Судя по всему, полного согласия не было ни по одному положению договора, они были писаны по крайней необходимости и ни одну из сторон не удовлетворяли в полной мере. В исключительных случаях закрепление согласия могло быть отражено в статейных списках следующим образом: «Да на том государевы послы с швейскими послы и положили»¹⁶. Остальные формулировки принимались, что называется, «скрепя сердце».

Устная форма переговоров была еще более напряженной. В ход шли не только аргументация своей позиции, но и методы психологического воздействия, прямых угроз, давления на человеческие чувства. Психологическая обстановка переговорного процесса была настолько неустойчивой, что грозила сорваться в прямое противостояние или срыв отношений. Удерживало обе стороны желание каждой из них все же подписать мирное соглашение. На это у обеих стран были свои веские причины (прежде всего — внешняя угроза со стороны поляков, а также соображения экономического характера). Разные типы культуры сторон переговоров также наложили свой отпечаток на процесс переговоров. Русская культура отличается высокой контекстностью, шведская — низкой. Высокий контекст означает ориентацию на ситуацию и интуицию; устное общение, в котором достигнутые договоренности могут быть не зафиксированы письменно, превалирует в межличностных отношениях¹⁷. Низкоконтекстная шведская культура постоянно сталкивалась с этим иррационализмом русских. Русским свойственна апелляция к традициям, причем именно своим, идущим еще из глубины веков, в том числе трепетное отношение к высшей власти, вплоть до отождествления понятий «государь» и «государство», именно поэтому такая битва шла между делегациями по сути техническому в договоре вопросу титулования государей. Также русские постоянно уповают на Божью волю и угрожают именно Божиим судом, что добавляет в суть и ход переговоров высокую степень иррационализма. Это сказалось и на скорости заключения соглашений: русским свойственно стремление к вязкости в принятии соглашений и к постоянным сношениям с Центром. На требования русских указания особого титула русского царя шведы парировали, что это началось с Ивана Васильевича, подчинившего Астраханское и Казанское царства и

¹⁶ Там же. С. 11.

¹⁷ Так в общих чертах может быть представлена известная концепция Э. Холла, изложенная в труде «За пределами культуры» (*Hall E.T. Beyond Culture*. NY.: Doubleday, 1976) и широко распространившаяся впоследствии.

«он де, возгордяся, почал тою титлою писатца», что, в общем, было истинной правдой, но горячо отвергалось русскими. Впрочем, шведы также не отличались постоянством, время от времени меняя свои позиции. Это давало основание русским послам высказывать шведской делегации упреки в изменении условий: «И государевы послы свейским послом говорили: на первом съезде у нас с вами говорено, <...> и то у вас ныне переменялось»¹⁸.

Ирония, граничащая с насмешкой, нередко использовалась как прием на Столбовском процессе, особенно в пылу полемики. Лишь часть ее отразилась в письменных документах. Так, про русские 20 тыс. руб., выплачиваемых Швеции, шведские послы сказали, что, мол, сумма невелика: ее их король за вечер на пиру спустит. Русские отвечали на это с полным достоинством: во-первых, сомнением, что это возможно, а во-вторых, замечанием: «Скоро так государю вашему и все свое государство пропить»¹⁹.

Впрочем, чаще всего основной эмоцией в атмосфере Столбовских переговоров были гнев и недовольство партнерами. Выражение «и говорили послы сердитую» много раз встречается при изложении хода обсуждения сложных вопросов. Трудно и с величайшим напряжением двигались делегации к соглашению. Подписание мирного договора необходимо считать несомненным успехом Столбовского процесса. Итоговые документы (собственно мирный договор) был составлен по правилу альтерната, который сохраняется до сих пор.

В прямых переговорах Столбовского процесса был использован прием, который, являясь русской традицией, стал одновременно находкой и психологическим оружием. Русские взяли на переговоры Тихвинскую икону Божией Матери. Скоропослушница для русских, она стала неприятным напоминанием шведам о провале их похода на Тихвин в 1613 г. То, что называется экстралингвистическими факторами в переговорах, использовалось в Столбовских переговорах в полной мере.

Столбовский процесс имел и третью стадию — *стадию реализации договоренностей*. Она тоже была очень сложной, растянулась на долгие дни, недели, месяцы, а с учетом освобождения городов-заложников, и годы (Гдов оставался городом-заложником вплоть до 1621 г.).

Таким образом, Столбовский переговорный процесс, завершившийся подписанием мирного договора, с коммуникативной

¹⁸ Якубов К. И. Цит. соч. С. 13.

¹⁹ Там же. С. 6.

точки зрения можно считать в высшей степени успешным. В условиях продолжавшихся боевых действий, застарелых и нерешенных проблем межгосударственного взаимодействия на протяжении нескольких десятков лет и непосредственно нескольких лет до Столбовской сессии, на фоне крайне неблагоприятной политической, исторической и экономической ситуации на Руси во втором десятилетии XVII в., разных подходов к методу и сути переговоров противоборствующих сторон, мирное соглашение было все же подписано. Это является несомненно позитивным результатом крайне негативного процесса подготовки итогового документа и бесконечных угроз срыва переговоров и возвращения к условиям войны. Несмотря на долгое завершение стадии реализации договоренностей, для Руси Столбовский процесс был выигрышным как в итогах, так и в самом ходе подготовки мирного соглашения. Русские действовали в Столбовских переговорах как равноценные шведам партнеры, настаивая на своих позициях, применяя вариативные методы и способы убеждения противника. Члены русской делегации проявляли поразительную для представителей разоренной и политически уязвимой страны твердость, психологическую устойчивость, осведомленность в сути дела и его мельчайших нюансах, информированность во внешнеполитических вопросах, пресуппозиционных аспектах, в том числе тщательно скрывааемых противоположной стороной²⁰. Несомненно, огромная роль принадлежит посреднику переговоров Джону Мерику, но для самой русской стороны Столбовский процесс был и колоссальной школой дипломатии, и политическим проектом, который со всем основанием можно считать успешно выполненным.

Список литературы

Арсеньевские шведские бумаги 1611–1615 гг. // Сборник Новгородского общества любителей древности / Пер. А.В. Полторацкого. Новгород, 1911–1912. Вып. V, VI.

Варенцов В.А., Коваленко Г.М. Хроника «Бунташного века»: Очерки истории Новгорода XVII века. Л.: Лениздат, 1991.

Видекин Ю. История десятилетней шведско-московитской войны / Пер. С.А. Аннинского, А.М. Александрова. Под ред. В.Л. Янина, А.Л. Хорошкевич. М., 2000.

²⁰ Таковыми, например, были вопросы, связанные с известными русским договоренностями между Швецией и Данией о заложных городах (*Якубов К.И.* Цит. соч. С. 6), деталями Тязвинского мира (Там же. С. 7), особенностями торговых отношений Швеции с Персией и Турцией (Там же. С. 10–11).

Замятин Г.А. Условия заключения Столбовского мирного договора между Россией и Швецией 9 марта 1617 года // Новгородский исторический сборник. Великий Новгород, 2016. Вып. 16 (26). С. 341–376.

История внешней политики России. Конец XV — XVII в. (От свержения ордынского ига до Северной войны) / Под ред. А.Н. Сахарова, Г.А. Санина. М.: Международные отношения, 1998.

Кобзарева Е.И. Шведская оккупация Новгорода в период Смуты XVII в. М.: Институт российской истории РАН, 2005.

Кузьмин Э.Л. Дипломатическое и деловое общение: правила игры. М.: Норма, 2005.

Лисейцев Д.В. Посольский приказ в эпоху Смуты. М.: Институт российской истории РАН, 2003.

Лихачев Д.С. Повести русских послов как памятники литературы // Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки / Отв. ред. Д.С. Лихачев. М.; Л.: АН СССР, 1954. С. 319–346.

Лыжин Н.П. Столбовский договор и переговоры, ему предшествовавшие. СПб.: Типогр. Императорской Акад. Наук, 1857.

Платонов С.Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII веков: Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время. СПб.: Наука, 2013.

Попов В.И. Современная дипломатия: теория и практика. М.: Международные отношения; Юрайт, 2006.

Рабинович Я.Н. Столбовский мир: победа или поражение? // Вестн. ЧелГУ. 2008. № 18. С. 27–39.

Селин А.А. К вопросу об общении шведов и новгородцев в 1611–1617 гг. // XIV конференция по изучению Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. М.; Архангельск, 2001. С. 115–118.

Селин А.А. Новгородцы и шведы в начале XVII века. Разыскания в Государственном архиве (Стокгольм) // Северный модерн. Диалог культур. СПб., 2005. С. 124–133.

Селин А.А. Порубежное духовенство в 1-й пол. XVII в. // Староладожский сборник. 2000. Вып. 3. С. 29–36.

Скобелкин О.В. Служилые иноземцы и деятельность Джона Меррика в России (1614–1617) // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2007. Т. 49. № 13. С. 43–56.

Соколов А.Б. Навстречу друг другу: Россия и Англия в XVI—XVIII вв. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1992.

Терентий М.Л. Дипломатический дискурс как особая форма политической коммуникации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 1. С. 47–56.

Трухачев В.И., Лякишева И.Н., Михайлова К.Ю. Международные деловые переговоры. М.; Ставрополь: ФиС; АГРУС, 2005.

Флоря Б.Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М.: Российская государственная библиотека, 2005.

Форстен Г. В. Политика Швеции в Смутное время // Журнал министерства народного просвещения. 1889. № 2. С. 325–349; № 10. С. 185–213; № 11. С. 17–33.

Чепель А.И. «Был без проезжей и хотел своих детей навесить»: проблема разделения семей в шведско-русском приграничье после Столбовского мира // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. М., 2011. Вып. 35. С. 231–244.

Чепель А.И. «Пастухов те воры били до умертвия...»: криминальная обстановка в шведско-русском приграничье после Столбовского мира // Метаморфозы истории: Научный альманах. Псков, 2014. Вып. 5. С. 370–390.

Чепель А.И. Становление шведско-русского приграничья после Столбовского мира: конфессиональный фактор // Скандинавские чтения 2012 года: этнографический и культурно-исторический аспекты / Отв. ред. Т.А. Шрадер. СПб., 2012. С. 106–107.

Шаскольский И.П. Была ли Россия после Ливонской войны совсем отрезана от Балтийского моря? // Исторические записки / АН СССР. М., 1950. Вып. 35. С. 294–303.

Шаскольский И.П. Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения России со Шведским государством. М.; Л.: Наука, 1964.

Якубов К.И. Россия и Швеция в первой половине XVII века. М., 1897.

Hall E. T. Beyond Culture. NY.: Doubleday, 1976.